

Ф. ВИНКЕЛЬМАН

**«ЦЕРКОВНАЯ ИСТОРИЯ»
НИКИФОРА КАЛЛИСТА КСАНФОПУЛА
КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК**

Никифор (род. ок. 1256 — ум. в 1317 г.) — священник храма св. Софии и писатель, известный своими многочисленными историческими, литургическими и агиографическими трудами, завершает собою галерею византийских церковных историков¹. Его «Церковная история», судя по «введению», должна была охватывать период от начала христианства до времени самого Никифора, но оглавление перечисляет лишь 23 книги, доведенные до 991 г., из которых сохранилось только 18 книг (до 610 г.). Хотя в этом сочинении повествование доходит лишь до смерти императора Фоки, оно остается самым обширным византийским трудом по истории церкви. Эпохой расцвета византийской церковно-исторической литературы были IV—VI вв.; она начинается с Евсевия Кесарийского, труд которого охватывает период от истоков христианства до 324 г.; за ним следуют: Геласий Кесарийский (от Констанция Хлора до Юлиана), Сократ (от 325 до 439 г.), Созомен (от 325 до 423 г.), Феодорит Киррский (от 325 до 428 г.), Филосторгий (от 325 до 425 г.), Филипп из Сиды (приблизительно до 434 г.), Геласий Кизикский (время Константина I), Иоанн Диакриномен (от 429 до 518 г.), Феодор Анагност (от 439 до 518 г.), Захария Ритор (от 450 до 491 г.), Василий Киликийец (около 450—540 гг.) и Иоанн Эфесский (до 586 г.). Заканчивается эта эпоха Евагрием Схоластиком (от 431 до 594 г.)². Большинство трудов названных авторов сохранилось до нашего времени³.

В чем же причина того, что в период от Евагрия до Никифора не было создано ни одного обобщающего труда по истории церкви? Ведь в это время церковь и христианское учение также пережили довольно много интересных этапов в своей истории. В Византии к тому же историческая мысль была всегда хорошо развита, и византийские историки проявляли постоянный интерес к делам церкви. Никифор задавал себе тот же вопрос, но также

¹ О жизни Никифора известно очень мало. См. *M. Jugie*. — «Dict. Théol. Cath.», 11, 1931, 446—452; *R. Guiland*. Correspondance de Nicéphore Grégoras. Paris, 1927, p. 382—385; *J. Sykutris*. «Ἑλληνικά», 3, 1930, сел. 29—33; о его сочинениях см. *H. G. Beck*. Kirche und theologische Literatur im byzantinischen Reich. München, 1959, S. 705—707; *K. Krumbacher*. Geschichte der byzantinischen Literatur. München, 1897, S. 291—293; *F. Halkin*. Bibliotheca Hagiographica Graeca. Bruxelles, 1957 (далее — BHG). Index auctorum, p. 260.

² Литературу по этим трудам см.: *B. Altaner-A. Stuiber*. Patrologie. 7. Aufl. Freiburg. 1966, S. 218 sq. 225—229.

³ Сюда относятся значительные хроники этого периода, трактующие также и церковные проблемы. Они принадлежат перу Евсевия, Феофана, Георгия Монаха, Иоанна Малалы, Иоанна Зонары, Георгия Кедрина, Феофилакта Симокатты. См. об этих хрониках: *G. Moravcsik*. Byzantinoturcica, I. Berlin, 1958. О более поздних хрониках см. *ibid.*, S. 233—243, 412—414.

не мог назвать ни одной причины, объясняющей столь долгую паузу в церковно-исторической хронографии: οὐκ οἶδα εἴτε ῥαστώνῃ δὴ τινι παραλίποντες τῆς φύσεως, εἴτε καὶ πρὸς τὸ μέγεθος τῆς ὑποθέσεως ἀποκνήσαντες⁴. А о том, что потребность в таком сочинении существовала, свидетельствует хотя бы та высокая оценка, которую труд Никифора получил в кругу представителей греческой церкви.

Указанные выше произведения обладают разными степенями объективности, имеют различные тенденции в изложении событий, обусловленные богословской позицией их авторов, но все они — даже самые необъективные и тенденциозные — весьма важны для исследователя благодаря имеющимся в них ссылкам на источники, письма и акты, а также на данные не дошедших до нас литературных памятников и свидетельства очевидцев⁵. Более того, важны эти труды не только для изучения истории церкви: для большинства из них характерно серьезное внимание к светским событиям, при изложении которых, с одной стороны, ярко проявлялась богословская позиция, с которой в христианском духе осмыслилась вся совокупность мировых событий, а с другой стороны — отразилась широта духовных интересов их авторов⁶.

В оценке труда Никифора нет того единодушия, которое проявилось в отношении к трудам IV—VI вв. Греки действительно, как мы упоминали, высоко оценивали эту книгу. На Западе же, познакомившемся с ней только в 1553 г. по латинскому переводу Иоанна Ланге и только в 1630 г. — по греческому оригиналу, она не раз встречала неприязнь, отчасти по богословским причинам (прежде всего у протестантов), отчасти по научным, так как считалась слишком некритичной. С другой стороны, ее цитировали как очень важный источник, подлинная ценность которого, однако, не была достаточно взвешена. Впоследствии, когда К. де Боор высказал мнение, что Никифор лишь списал какой-то утерянный труд X в.⁷, его «Церковную историю» стали считать вообще не имеющей значения для науки. Хотя Г. Гентц и указал на несостоятельность этой гипотезы⁸, он все-таки также не считал труд Никифора заслуживающим внимания современного ученого. По его мнению, Никифор якобы не внес ничего существенного в реконструкцию текста своих главных источников — более древних церковно-исторических произведений; все они дошли до нас в достаточно сохранном виде, Никифор же неточно переводил свои первоисточники, потому что не всегда верно их понимал. Таким образом, остался в силе приговор,

⁴ *Nicephori Callisti Xanthopuli ecclesiasticae historiae libri XVIII.* — PG, t. 145, col. 608, C, D.

⁵ Почти все истории были «православными». В арианском духе выдержана, видимо, не случайно сохранившаяся только в извлечениях работа Филосторгия. Сильные новацианские симпатии характерны для константинопольского юриста Сократа. Большинство авторов стремилось к добросовестности и объективности изложения, прежде всего — Евсевий, Сократ и Евагрий. Самой тенденциозной халтурой можно назвать сочинение не останавливающегося даже перед грубыми извращениями Геласия Кесарийского. По критичности и строгости в отборе фактов первое место занимают Евсевий и Сократ. Однако и они, как и прочие хронисты, весьма легковжны и склонны к передаче разных чудес и знамений. О важности этих источников и о методе работы с ними см. *E. Schwarz. Über Kirchengeschichte. «Nachrichten von der K. Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen».* 1908, S. 106—122 (*Gesammelte Schriften*, I. Berlin, 1938, S. 110—130).

⁶ В качестве примера следует указать хотя бы на то, сколько важных материалов извлек Д. Моравчик из этих трудов для истории гуннов (*G. Moravcsik. Op. cit.*, S. 257, 459, 473, 508, 510, 519, 524). Необходимо при этом отметить две крайности — труд Евсевия выдержан в чисто церковно-историческом духе: даты правления императоров дают ему лишь хронологическую опору для повествования, из области светской истории его интересуют только гонения на христиан, в соответствии с целями, о которых он говорит в предисловии. Напротив, к сожалению, утерянная история церкви Филиппа Сидского содержала столь много светского материала, что была сурово осуждена Сократом (VII, 27) и Фотием (*Myriobiblon*, Cod. 35).

⁷ *«Zeitschrift für Kirchengeschichte»*, 6, 1884, S. 478—494; BZ, 5, 1896, S. 16—23.

⁸ *«Zeitschrift für die neutestamentliche Wissenschaft»*, 42, 1949, S. 105 f., 110—117.

вынесенный этому произведению Э. фон Добшютцем в 1904 г.: «Вряд ли труд Никифора имеет какую-либо ценность для подлинной истории; из-за манеры пересказа он почти непригоден даже для критики текста древнейших источников»⁹. Поэтому в настоящее время сочинение Никифора больше не принимается во внимание в ходе исторических исследований. В результате этого оказались сброшенными со счета важнейшие материалы, что я и постараюсь показать в данной статье. Поэтому мне хотелось бы ограничиться здесь лишь этой проблемой, оставив пока в стороне другие, не менее интересные аспекты, например, мнение о стиле Никифора, как об отнюдь немаловажном для филологов предмете, или также то обстоятельство, что это сочинение представляет собой написанное с православной точки зрения всеобщее историческое обозрение первых семи веков христианской эры, которые позволяют достаточно ясно определить идейный климат в церкви того времени и сделать некоторые важные наблюдения над тенденциями, свидетельствующими о величии и слабостях греческой церковно-исторической литературы¹⁰. Произведение Никифора «повторяет ее всю в себе», как удачно выразился Ф. Х. Баурр¹¹.

Хотя Никифор не называет ни одной хроники в качестве своего источника, можно сказать, что он, наверное, использовал XVIII книгу труда Феофилакта Симокатты (главы 27, 30—32, 34, 36, 39—43). Очень вероятно непосредственное заимствование труда Феофана в книгах XIV—XVIII. Существуют тесные связи между сочинениями Никифора и Иоанна Малалы, Иоанна Зонары (см., например, XV, 12; XVI, 24; XVIII, 55 сл.) и Георгия Кедрина (например, XV, 16; XVIII, 33). Однако зависимость Никифора от этих авторов не вполне достоверна. Здесь, вероятнее всего, могли быть использованы какие-то другие, не известные нам сочинения, потому что Никифор приводит материал, который не содержится в дошедших до нас хрониках¹². Знаменательно, что хронология в труде Никифора не совпадает с хронологией ни одного из известных нам трудов¹³.

Некоторые места хотелось бы привести в пример: сообщение (XVIII, 28—29) об аварской войне при императоре Маврикии (582—602 гг.) находит параллели у Феофана¹⁴ и Феофилакта Симокатты¹⁵, но общая картина совершенно отлична от той, которую рисуют эти авторы; кроме того, у Никифора имеются и уникальные сведения. Следовательно, можно предположить, что он использовал какое-то неизвестное описание этой войны¹⁶. И в других местах имеются параллели у известных хронистов, но тоже с многочисленными отклонениями. Например, в книге XIV, 57 использован Евagriй¹⁷, есть кое-какие параллели с Малалой¹⁸, книга

⁹ «Realencyklopädie für protestantische Theologie und Kirche», 14, 3. Auflage. Leipzig, 1904, S. 22. Cp. M. Schmidt, in: «Die Religion in Geschichte und Gegenwart», III, 3. Aufl. Tübingen, 1959, S. 1424.

¹⁰ Эти тенденции достаточно точно определены К. Крумбахером (K. Krumbacher. Op. cit., S. 226—230).

¹¹ «Die Epochen der kirchlichen Geschichtschreibung». Tübingen, 1852, S. 32. См. об этих проблемах также: G. Gentz—F. Winkelmann. Die Kirchengeschichte des Nicephorus Callistus Xanthopoulos und ihre Quellen. 2. Aufl. Berlin, 1966 (TU 98).

¹² Византийские хроники, их взаимосвязи, источники и особенности развития хронографии в Византии все еще недостаточно хорошо изучены.

¹³ В конце каждой книги он приводит точные даты: например, I, 40—19 год правления Тиберия в 5539 г.; II, 46—14 год правления Нерона в 5575 г.; VIII, 55 — смерть Константина I в 5847 г.; XII, 50 — смерть Феодосия I в 5909 г.; XVIII, 56 — смерть Фоки в 6130 г.

¹⁴ *Theophanis Chronographia*, I. Lipsiae, 1883 (далее — *Theoph.*), p. 267—269, 273 sq.

¹⁵ *Theophylacti Simocattae Historia*. Lipsiae, 1887 (далее — *Theophyl. Sim.*), VI, 1 sq.

¹⁶ Продолжение аварской войны (XVIII, 37 сл.) мы рассмотрим ниже.

¹⁷ *The ecclesiastical History of Evagrius with the Scholia*, ed. J. Bidez and L. Parentier. London, 1898 (далее — *Evagr.*), I, 19.

¹⁸ *Joannis Malalae Chronographia*. Bonnae, 1831. (далее — *Mal.*), p. 533 C; 541 B.

XV, 29 содержит, видимо, выписки из Евагрия¹⁹, к которым встречаются параллели у Зонары²⁰, Феодора Анагносты²¹ и Малалы²². Однако подлинные источники Никифора остаются неизвестными, так как указанные хроники здесь оригиналами быть не могли.

Труд Никифора может быть привлечен для реконструкции эпитомэ церковно-исторического сочинения Феодора Анагносты. Хотя Никифор также не знал²³ полного большого труда Феодора, охватывавшего время с 430 по 518 г. и сохранившегося лишь в нескольких фрагментах²⁴, однако он использовал какое-то извлечение из эпитомэ этого труда, которое также было впоследствии утеряно и дошло до нас только в разных выдержках. Никифор почти полностью заимствовал оттуда извлечение, представленное в Cod. Baross. gr. 142, fol. 236 об.—240 об.²⁵, но во всяком случае он не придерживался при этом принятого в этой рукописи порядка следования пассажей. Другие заимствованные Никифором отрывки покрываются извлечением, сохранившимся в Cod. Ath. Vator. gr. 286²⁶, к тому же и в хронике Феофана имеются параллели к Феодору Анагносту, во многих случаях существенно отклоняющиеся от параллельных Феодору текстов Никифора (к фрагментам 22, 23, 41, 57 и 74).

Рассмотрим же параллели к этим пяти фрагментам. Параллель к фрагменту 22 у Никифора (XIV, 23) возникла, вероятно, лишь косвенным путем, потому что Никифор, кажется, здесь все-таки зависел от Зонары (Zon., p. 242. 25—243, 12). Иначе обстоит дело с другим пассажем труда Никифора (XIV, 58). Этот пассаж составлен из данных, параллельных к Кедрину (Cedr., I, p. 602. 8—603. 3), Малале (Mal., p. 545C; 548A) Феофану (Theoph., p. 103, 6—16), Зонаре (Zon., p. 245, 1—10) и Феодору Анагносту (I, 1 и фрагмент 23). Рассмотрим несколько подробнее это сопоставление: а) Феодосий II находится в эфесском храме Иоанна Богослова (ср. с Малалой, где это, однако, изложено более кратко); б) войско возвращается после войны против Атиллы (ср. с Феофаном, где этот рассказ гораздо короче); в) император терпит неудачу на охоте (ср. с Феодором Анагностом I, 1 и фрагмент 23; Кедрином и Малалой); г) переговоры императора с Пуль-

¹⁹ *Evaqr.*, II, 17.

²⁰ *Joannis Zonarae Annales*. II. Bonnae, 1844, p. 254 sq.

²¹ PG, t. 86, col. 24, 27.

²² *Mal.*, p. 560 B.

²³ Это видно с первого взгляда на сохранившиеся фрагменты; их сюжеты: *a* (об арианстве Олимпии), *c* (о последователях Диоскура из Александрии), *e* (о Юлиане и Тимофее I), *g* (о Диоскуре из Александрии) и *i* (о Севере) — совсем не затрагиваются в труде Никифора. Темы остальных фрагментов он заимствовал из других источников: фрагмент *b* (о Палладии из Антиохии — XVI, 20) — из Евагрия (*Evaqr.*, III, 23 в), фрагмент *d* (выступление Тимофея I Константинопольского против почитания памяти Македония — XVI, 2) — из эпитомэ (II, 29), фрагмент *f* (о Геннадии I из Константинополя — XV, 23) — из эпитомэ (I, 15—17), фрагмент *h* (о Ксенае — XVI, 27) — из Феофана (*Theoph.*, p. 134, 11—19), фрагмент *k* (осуждение Акакия из Константинополя Феликсом III из Рима — XVI, 17) отразил вторую схолию к Евагрию (*Evaqr.*, p. 244, sch. zu 119.25; ср. Cod. Baross. gr. 142), фрагмент *l* (Македоний II из Константинополя — XVI, 35 б) заимствован из эпитомэ (II, 16); фрагмент *m* (статуя императрицы Евдоксии в Константинополе — XIII, 18 f.) из Созомена [*Sozomenus*. Kirchengeschichte, hrsg. v. J. Bidez und G. Ch. Hansen. Berlin, 1960 (далее — *Soz.*), VIII, 20] и Сократа [*Socratis Scholastici Ecclesiastica historia*, ed. R. Hussey, t. I—III. Oxonii, 1853 (далее — *Sokr.*), VI, 18.1—11], фрагмент *n* (о процессиях во время большого землетрясения при Феодосии II — XIV, 46) — из неизвестного источника (этот пассаж будет подробно рассмотрен ниже).

²⁴ Они точно приведены со ссылками на их источники X. Г. Опитцем (RE, 2. Reihe, 40. Halbband, Sp. 1873 f.).

²⁵ PG, t. 86, col. 165—216. На л. 236 об. есть пометка на полях: ἀπὸ φωνῆς Νικηφόρου Καλλιῶτου τοῦ Σανθοπούλου. Возможно, это извлечение было сделано самим Никифором (ср. G. Gentz, in: «Zeitschrift für die neutestamentische Wissenschaft», 42, 1949, S. 113—117).

²⁶ Издан А. Пападопуло-Керамевсом (ЖМНП, ч. 333, 1901, отд. класс. филологии, стр. 1—24).

херией о Маркиане (ср. с Кедриным и Малалой, однако полного совпадения здесь нет); д) Пульхерия делает Маркиана императором (ср. с Кедриным, Феофаном, Зонарой и Феодором Анагностом, фрагмент 23. Только в одном этом фрагменте встречается параллель к сообщению о месте коронования); е) похороны Феодосия. Даты (ср. отдельные параллели у Кедрина и Малалы). Выше, касаясь хроник, мы уже установили, что не удастся засвидетельствовать прямого использования Никифором трудов Кедрина, Малалы и Зонары. Во всяком случае, в данной главе нельзя твердо установить ни одной прямой параллели к какому-либо из названных авторов. Но все же в абзаце е) имеется параллель к Феодору Анагносту (фрагмент 23), а также следы использования эпитомэ Феодора Анагнosta. Мы склонны допустить, что вся глава 58 или ее бо́льшая часть были случайно заимствованы из эпитомэ Феодора Анагнosta. Отсюда как будто следует, что Никифор был знаком либо с полным эпитомэ, либо с таким же крупным извлечением из него, какое сохранили рукописи Vatoss. gr. 142, Vatop. gr. 286, Paris. gr. 1555A, Paris. suppl. gr. 1156.

Схожая ситуация обнаруживается в пассаже XV, 21 труда Никифора (в сообщении о константинопольском пожаре). Здесь Кедрин (Cedr., I, p. 612. 18—20), Малала (Mal., p. 553 B, C), Зонара (Zon., p. 253. 12—16) и Феодор Анагност (фрагмент 57) составляют единую параллель, поэтому нельзя указать прямую зависимость Никифора от какого-то одного из них. Этому противоречит один отдел в следующей главе — 22 (PG, t. 147, col. 65 C sqq.), слово в слово совпадающий с фрагментом 41 Феодора Анагнosta. Наконец, Никифор не использовал фрагмент 74 этого автора при написании пассажа XVI, 17b, а списывал Феофана (Theoph., p. 132, 27—33).

Возникает вопрос, нет ли в других местах каких-либо признаков того, что Никифору было известно нечто, помимо сохранившихся донныне извлечений из эпитомэ?

Возвратимся с этой целью еще раз к отрывку XV, 20—26: его 20 глава основана на Евагрии (Evagr., II, 12, 14). Главу 21 мы только что рассмотрели. Глава 22 содержит шесть различных тем: 1) Маркиан. Никифор сообщает о нем намного подробнее, чем Феодор Анагност (I, 23). Житие ВHG, 1034 (Маркиан), напротив, гораздо обширнее, чем текст Никифора. Поэтому нельзя установить, черпал ли он сведения из этого жития или нет. 2) Даниил Столпник. Это сообщение у Никифора несколько подробнее, чем у Феодора Анагнosta (I, 18), но, с другой стороны, ничто не указывает на использование им жития ВHG 490 (Даниил). Вторая часть отдела совпадает с трудом Феодора Анагнosta (I, 32, 33). 3) Аскет Авксентий. К этой теме в сохранившихся выдержках из Феодора Анагнosta никаких параллелей нет. При известных допущениях оригиналом могла быть глава 4 жития ВHG, 199 (Авксентий). 4) Аскет Иаков. Заимствовано из Феодора Анагнosta (I, 10, 11). Имя Барадата Никифор мог узнать из Евагрия (Evagr. II, 9, p. 61. 13). 5) Еще раз Маркиан. Параллели у Феодора Анагнosta (I, 13) и фрагмент 41 — см. выше. 6) Церковные постановления Льва. Взято из Феодора Анагнosta (I, 14). Бо́льшая часть главы 23 определенно восходит к этому автору (I, 15b; 16; 15a; 17a; 19; 26; II, 43). Мне не удалось найти в других источниках того, о чем рассказывается в середине этой главы, а именно, что Маркелл построил монастырь для «бодрствующих» монахов, в котором они совершали богослужение в три очереди и в котором жил Иоанн Каливит. Далее, невозможно решить, могло ли быть использовано Никифором в качестве источника значительно более обширное житие ВHG, 1004 или 1005m (Сергий). Глава 24 касается перенесения покрова Марии в Константинополь. Одна более краткая параллель к ней встречается у Георгия Монаха ²⁷ в том отделе, который К. де Боор считал происходящим

²⁷ *Georgii Monachi Chronicon*, ed. C. de Boor, v. I—II. Lipsiae, 1904 (далее — *Georg. mon.*), II, p. 617, 5—13.

из Феодора Анагноста²⁸. Таким образом, можно предположить, что Никифор здесь также зависит от Феодора Анагноста и что он, следовательно, знал из эпитомэ больше, чем это сохранилось в выдержках из него в четырех рукописях: Paris. gr. 1555A, Paris. suppl. gr. 1156, Vatop. gr. 286 и Vaross. gr. 142. Главы 25 и 26 посвящены богородичной церкви τῆς πηγῆς. Никифор использует при этом свое собственное произведение (BHG, 1073).

Итак, следует ли делать вывод, что Никифор заимствовал весь отрывок с 21 до 24 главы из Феодора Анагноста? Поскольку его метод заключается в составлении своих известий по разным источникам, поэтому было бы вполне возможным предположение, что и здесь он, наряду с Феодором Анагностом, использовал также соответствующие данным темам жития. Однако можно указать на четыре места (в гл. 21, 22, 23 и 24), в которых было, по всей вероятности, использовано какое-то более обширное эпитомэ из Феодора Анагноста, чем то, которое сохранилось. Действительно, три из этих мест подтверждаются другими, хотя и более сжатыми, но достоверными экспертами труда Феодора Анагноста.

Еще более гипотетичны выводы из наблюдений над текстом пассажа XIV, 46. И в начале этой главы, повествующей о событиях в Константинополе во время землетрясения при Феодосии II, и в конце ее Никифор привлекает в качестве источника Евагрия (Evaogr., I, 17 и I, 18). В середине главы содержится более значительный отрывок о чуде во время молитвенного шествия, о постройке стен, о строительстве богородичной церкви ἐν τοῖς Κύροις и пр. Кое-что здесь сходное с Феофаном (Theoph., p. 93, 7—20; 96.33—97.15) и Георгием Монахом (Georg. mon., p. 604, 20 sq.), но, по-видимому, вне всякой зависимости от них Никифора, а прочее не имеет известных нам параллелей. Совпадение в одном месте между Феофаном и Георгием Монахом можно было бы объяснить общим происхождением их сведений из Феодора Анагноста²⁹, от которого в таком случае мог зависеть в данном месте и Никифор. Но на вопрос, не заимствовал ли Никифор весь пассаж у этого хрониста, ответить нельзя. Остается неизвестным также, откуда он взял добавления к рассказу (соответствующему Evaogr., I, 17 в начале этой главы), а именно, что константинопольские городские стены были тоже разрушены; в Александрии и Антиохии имели место большие опустошения; землетрясение, по-видимому, возобновлялось непрерывно в течение шести месяцев³⁰.

Наконец, хотелось бы еще обратить внимание на гл. XVI, 26: тайное удаление патриарха Македония II (496—511) императором Анастасием (PG, t. 147, col. 165—168). Тот же сюжет излагает и Феофан (Theoph., p. 154. 25 sq.), который зависит при этом от эпитомэ Феодора Анагноста, как показывает сходство с одним из его фрагментов, сохранившимся в Cod. Paris. suppl. gr. 1156. Выписывал ли Никифор здесь из «Хронографии» Феофана, или его сведения прямо восходят к эпитомэ Феодора Анагноста, установить не удалось, однако, последнее, по меньшей мере, остается возможным.

Полагаю, что примеров довольно. Подводя итоги, следует сказать, что Никифору не был полностью известен большой церковно-исторический труд Феодора Анагноста, но весьма вероятно, что он все-таки использовал какую-то более обширную форму эпитомэ этого труда, чем то, которое дошло до нас в четырех названных выше манускриптах. Поэтому, сочинения Никифора следует привлекать при изучении незнакомого нам по эпитомэ Феодора Анагноста материала с целью реконструкции прежнего состава эпитомэ.

²⁸ «Historische Untersuchungen Arnold Schaefer. . . gewidmet». Bonn, 1892, S. 283.

²⁹ См. H. G. Opitz. — RE, 2. Reihe, 10. Halbband, Sp. 1874.

³⁰ Евагрий не дает на этот счет никаких сведений; Феофан (Theoph., p. 93, 6 sq.) говорит о четырех месяцах, а Георгий Монах (Georg. mon., II, p. 604, 20) сообщает о трех месяцах.

Оговоримся, однако, что было бы, конечно, ошибкой приписывать эпитоме Феодора Анагноста все те многочисленные места, для которых у Никифора мы не можем указать источника и которые относятся к периоду, о котором трактует Феодор Анагност. Из большого числа этих мест я хотел бы выделить несколько.

Труд Никифора содержит четыре характеристики исторических персонажей: Иисуса (I, 40), Петра и Павла (II, 37), Константина I (VIII, 55). В I, 40 Никифор попросту списал главу 15 жития Марии Епифания Монаха (BHG, 1049). Что касается обоих описаний в II, 37, то Э. фон Добшютц³¹ усматривал их источник в изданной К. Тишендорфом «Живописной книге» Эльпия Ромея³² из Cod. Paris. Coisl. gr. 296³³ (начало IX в.). Действительно, некоторые существенные черты сходства здесь налицо, ибо в основном клише образов обоих апостолов давно утвердилось; однако в большинстве наиболее характерных признаков описания апостолов у Никифора и у Эльпия Ромея решительно расходятся друг с другом. Последовательность этих описаний также различна. Поэтому тезис фон Добшютца, на мой взгляд, не состоятелен. Для образа Константина I (Nik., VIII, 55) Эльпий не содержит никаких параллелей, но поскольку изображение внешности и характера Константина, данное в VIII, 55, построено по той же схеме, что и другие описания из книги Эльпия, мне кажется правомерным вывод, что Никифор заимствовал все три описания (II, 37 и VIII, 55) из какой-то неизвестной нам «Живописной книги» и что VIII, 55 не восходит, следовательно, к одному из собранных, дающих описания императоров, появлявшихся обычно со времен Светония.

В III, 37, а (PG, t. 145, col. 973—976) Никифор подробно рассказывает, как один еврей, по слабости неспособный больше идти через пустыню, был крещен песком, и, выздоровев от этого, с успехом продолжал путь. Дионисий Александрийский крестил его вторично, но уже водой. Нечто подобное будто бы случилось и при Анастасии Александрийском. Я не мог до сих пор найти источник для этого рассказа.

Пассаж VIII, 20 Никифор посвятил политическим событиям на рубеже III и IV вв. Здесь он кое-что извлек из жития Константина (BHG, 364—р. 319.20 — 320.15) и из Евсевия³⁴, однако, источник для большинства данных не поддается определению. Это относится также и к XI, 19—20, где Никифор говорит о братьях, сестрах и друзьях Василия Великого. Наряду с сочинением Сократа (Sokr., IV, 26.26 sq., 27) использовано много неизвестного нам материала.

XV, 8—10 Никифор посвятил мятежу и чуме при Маркиане (450—457). Здесь наш автор сильно зависит от Евагрия и Феофана, но добавляет эпизод о смещении епископа Ювенала Иерусалимского (422—458) монофиситским монахом Феодосием и о его изгнании дуксом Палестины Дорофеем в 453 г.

В пассаже XVII, 9 рассказывается об осуждении Анфима I Константинопольского (535/36) и о том, как Мену назначил патриархом (536—552) папа Агафон. Здесь Никифор допустил некоторую путаницу, так как Агафон в действительности жил в VII в. и был в Константинополе только на Шестом вселенском соборе (680/81). Источник Никифора Ксанфопула в данном пассаже неизвестен.

³¹ E. v. Dobschütz. Der Apostel Paulus, II. Halle, 1928, S. 46, Anm. 8.

³² «Anecdota sacra et profana». Leipzig, 1861, S. 129 f.

³³ Saec. XIII, membr. fol. 68.

³⁴ Eusebius Pamphilus. Kirchengeschichte, hrsg. v. E. Schwartz. — «Die griechischen christlichen Schriftsteller der ersten drei Jahrhunderte. hrsg. v. der Kirchenväter-Comission der königl. Preussischen Akademie der Wissenschaften, Bd. 9, p. 1—3. Leipzig, 1903—1909 (далее — Eus.), VIII. 13.

В XVIII, 37—42 сообщается об аварской войне и убийстве императора Маврикия (582—602) Фокой. Никифор использует при этом Феофана (Theoph., p. 280 sq.) и Феофилакта Симокатту (Theophyl. Sim., VIII, 6. sq.), однако для многих мест источник определить не удастся³⁵.

Наконец, хотелось бы коснуться пассажа XVIII, 45—54, представляющего собой экскурс о ересь, возникших между четвертым и пятым вселенскими соборами (Халкидонский 451 г. и Константинопольский 553 г.): глава 45 соответствует при этом отделу IX и X «Сокровищницы православия» Никиты Хониата (PG, t. 140, col. 45C/48B; 69A/172B. 73C—D); глава 46 — отделу X (ibid., col. 72B—73A); глава 47 — отделу IX (ibid., col. 52A—C.), однако Никифор добавил сюда собрание трудов монофосита Иоанна Филопона и их сопоставление с православным учением. Эта часть могла быть написана самим Никифором и не требует отыскания ее источника; глава 48 соответствует отделу X «Сокровищницы» (ibid., col. 72 C — 73 B, C.). Может быть, при этом был привлечен также отдел VIII, но не исключено, что это был другой неизвестный нам источник; глава 49 соответствует отделу IX (ibid., col. 48C—49D; 52 B). Глава 50 касается агноитов. Никита рассматривает тот же сюжет в отделе XIV, однако этот отдел еще не издан; так что пока мы не можем решить, зависит ли здесь Никифор от Никиты или нет. То же самое следует сказать и о главе 51, посвященной феопасхитам — ереси, о которой Никита говорит также в еще не опубликованном отделе XIII. Глава 52 (о якобитах) опирается на неизвестный источник, как и глава 53, посвященная армянам, потому что Никита, хотя и занимается той же темой в отделе XVII, дает при этом совершенно иную трактовку, чем Никифор. Поэтому возникает сомнение и относительно зависимости Никифора от Никиты также и в главах 50 и 51. Вопрос этот, видимо, можно будет разрешить только тогда, когда труд Никиты будет опубликован полностью. Глава 54 (о почитаниях креста) восходит к неизвестному источнику.

Мы уже отметили выше оригинальные дополнения Никифора. Они рассеяны по всей работе. Частью это — редакционные примечания, частью — критические выводы о православной точке зрения, частью — поправки к высказываниям использованных им авторов, частью — отрывки из его других агиографических и литургических сочинений или из составленных им каталогов, частью — заметки по поводу исторически важного современного Никифору материала. В связи с последним пунктом мне бы хотелось привести несколько примеров.

Выше, касаясь пассажа III, 37, я уже упомянул эпизод о крещении еврея. К этому сообщению, заимствованному из неизвестного источника, Никифор добавил следующий рассказ (PG, t. 145, col. 976B, C): будто бы некий священник св. Софии, еще живший при Никифоре, по происхождению еврей, был в детстве крещен христианскими детьми во время купания, затем стал настоящим христианином и, наконец, был посвящен в священники.

В VI, 16 Никифор сообщает об иконах Иисуса, Марии и апостолов, а также о других реликвиях, еще существовавших в его время.

В XII, 34—35 говорится о церковных обычаях, причем здесь Никифор большей частью зависит от Сократа и Созомена, добавляя кое-что об обычаях своей эпохи (см. PG, t. 146, col. 857, 860, 861).

Никифор был большим почитателем Иоанна Златоуста, и в пассаж XIII, 2 он ввел некоторые оценки и литературные сопоставления, опираясь на этого автора (PG, t. 146, col. 928 sq., 933, 941, 953, 1052).

Пассаж XIV, 39 касается вопроса о перемещении епископов — темы, которая очень волновала Никифора. Пускаясь в объяснения низложе-

³⁵ Исчерпывающе изложено в «Texte und Untersuchungen», Bd. 98, S. 177 f.

ния Прокла Константинопольского (434—446), Никифор рассматривает все случаи перемещения епископов, имевшие место вплоть до его времени. В начале он опирается на Сократа Схоластика (Sokr., VII, 36, 37), несколько дополняя его данные, затем продолжает перечень, добавив список из 23 епископов до эпохи образования Латинской империи и, наконец, заключает рассказом о современных ему перемещениях по всем патриархиям. Во всех случаях он указывает более точные данные, называет и инициаторов перемещения (собор, император, патриарх) и т. д.

В XIV, 46 Никифор вносит дополнения относительно некоего чуда, которое совершилось в связи с процессией при Феодосии II. Речь, видимо, может идти о передаче Никифором местных константинопольских слухов, циркулировавших в столице в его время.

Рассмотрение Никифором в пассаже XVII, 31 вопроса о том, считался ли император Юстиниан еретиком, содержит важные сведения о мнениях, имевших место в кругах официальной церкви того времени: все отклонения от православия прощались Юстиниану за его добрые дела, в числе которых на первом месте названа постройка св. Софии.

Теперь уже общепризнано большое значение агиографической литературы в качестве источника для историков. Мне бы хотелось, пусть мимоходом, показать, что и в этом отношении труд Никифора также заслуживает внимания.

Если в «Texte und Untersuchungen», Bd. 98, я предположил, что в качестве источника для Никифора при написании пассажа XIV, 45 (легенда о семи спящих отроках) послужило Метафрастово житие ВНГ, 1594 ³⁶, и принял гипотезу, что Никифор сам сочинил обрамляющий легенду рассказ, то здесь я считаю нужным поправить себя: я полагаю теперь, что всю главу, т. е. и обрамляющий рассказ, и вставленную в него легенду Никифор, несомненно, заимствовал из несохранившегося источника.

Итак, как будто приведены в доказательство нашей идеи главные моменты композиции Никифора. В обрамляющей «рамке» повествуется о следующем: во времена Феодосия II (408—450) появились еретики, не верившие в воскресение во плоти, причем одни держались толкования саддукеев, что вовсе не может быть никакого воскресения, тогда как другие считали возможным воскресение только через обретение нового тела ³⁷. Спорный вопрос смогли разрешить в православном духе благодаря примеру с недавним пробуждением семи эфесских юношей от 372-летнего сна, от коего они восстали с совершенно невредимыми телами и одеждой. Юноши эти заснули в пещере еще во времена гонения Деция на христиан, что якобы подтверждалось найденной в пещере табличкой и сохранившимися у отроков монетами времени Деция. Отрока, захотевшего на них сделать в Эфесе покупки после перерыва в 372 года, архонт повелел бичевать как вора. Наконец, когда достоверность воскресения отроков была установлена, сам Феодосий II провел вместе с ними семь дней и разделил с ними трапезу.

В такой форме для этой легенды я не нашел точных параллелей: числовые данные расходятся; у Никифора не названы имена; многие детали в его рассказе отсутствуют, другие, напротив, есть только у него; обрамляющего рассказа такого рода нет у других авторов ³⁸. М. Хубер установил большинство параллелей к самой легенде в арабской версии Евтихия Александрийского (Саид ибн Батрак, 876—939 гг.) ³⁹, однако

³⁶ PG, t. 115, col. 428—448.

³⁷ Обрамляющая «рамка» и вставленная в нее легенда написаны в одном стиле, поэтому не следует считать «рамку» творением самого Никифора.

³⁸ См. в связи с этим: М. Huber. Die Wanderlegende von den Siebenschläfern. Leipzig, 1910, S. 91—104.

³⁹ Ibid., S. 18.

и у этого автора есть много других дополнительных данных. Отсутствие имен и точного описания местности, сравнительная сжатость и ясность рассказа Никифора указывают, по моему мнению, на какую-то раннюю форму легенды в качестве протооригинала пересказа нашего автора ⁴⁰.

Вопрос о привлечении Никифором агиографических сочинений еще до конца не выяснен, так как многие жития и целые их группы остаются не изданными, поэтому пока нельзя сказать, сколько неизвестных форм житий и неизвестного агиографического материала использовал Никифор. Приведу здесь только несколько примеров: 1) III, 29 (Евстафий) — ср. BNG, 641 sq. (Synaxar. Constantinopol., 20 Sept.); (Элевферий) — ср. BNG, 568 sq. (Synaxar. Constantinopol., 15 Dez.); 2) III, 32 (Юстин)-Eus., IV, 16, 1—5; 7—9; ср. также BNG, 972 z sq.; 3) XI, 48 (мученик Никита — гот) — ср. BNG, 1339—1340 b; 4) XII, 23 (Арсений, воспитатель сыновей Феодосия I) — некоторые параллели встречаются у Кедрина (Cedr., I, p. 573.11—17; 576.10—13), но здесь все короче, чем у Никифора, который мог использовать одно из житий BNG, 167y—169; 5) XV, 23 (Сергий) — ср. BNG, 1004, 1005 m; 6) XVIII, 25 (персидская мученица Голиндуха) — ср. BNG, 700—702 b.

Довольно, однако, примеров. Подводя итоги всему изложенному выше, мы должны сказать, что если, с одной стороны, нельзя не критически переоценивать труд Никифора, то с другой — необходимо ясно осознать его несомненное значение как свода материала источников для историков древнего мира и медиевистов, изучающих историю общества, нравов, церкви и религии того времени. Мало того, едва ли было бы правомерным использование этого труда только в качестве подобного свода, не учитывая тех его существенных особенностей, о которых говорилось на первых страницах данной статьи.

Перевод с немецкого Н. Семпер.

⁴⁰ Относительно оценки легенды ср. *M. Huber*. Op. cit., S. 355 f. (см. здесь и далее также ссылки на литературу); *A. Allgeier*. — BNG Jbb. 3, 1922, S. 311—331; *P. Peeters*. *Analecta Bollandiana*, 41, 1923, p. 369—385. Ссылки на литературу см. также: *J. Oswald*. *Lexikon für Theologie und Kirche*, 9. Freiburg, 1964, S. 738.